

НАУКА: СИБИРСКИЙ ВАРИАНТ

Совместный выпуск СО РАН и "Советской Сибири"

Он начинался с преобразования Сибири

Этот иркутский институт СО РАН возник, когда в азиатскую часть страны пришла большая энергетика. То есть в шестидесятые годы прошлого века. Тогда в Западной Сибири принялись вовсю осваивать месторождения нефти и газа, разрабатывать Канско-Ачинский угольный бассейн как мощный «дополнитель» Кузбасса и начали строить крупные ГЭС на Ангаре и Енисее. Чуть пафоснее говоря, Институт систем энергетики имени Л. А. Мелентьева СО РАН был вызван к жизни в самые трудные времена мощным преобразованием Сибири.

Академик Лев Александрович Мелентьев.

Элементы и целое не совпадают

Кроме того, электроэнергетика и другие системы, например газоснабжения, нефтеснабжения, теплоснабжения, стали действительно системами. То есть целыми образованиями, обладающими свойствами, не присущими тем элементам, из которых они состоят. Эти особенности могут быть как полезными, так и вредными, а если корректнее формулировать, то нежелательными. Системы работают в одном режиме, и в них все взаимосвязано. Основатель института академик Лев Александрович Мелентьев сформулировал направление развития института, которое до сих пор можно считать основополагающим. Это системные исследования в энергетике со всеми ее составляющими. Прежде всего изучение сложных систем и проблем в ведущей отрасли экономики. Мелентьев под своим крылом собрал целотью молодых людей, жаждущих прославиться и науку, и себя. И он не обманулся. Уже с первых лет работы институт стал проводить всевозможные, а потом всероссийские конференции по выбранной им тематике и завоевал авторитет в научном мире и у специалистов отрасли. Конечно, — рассказывал директор института член-корреспондент РАН Николай Иванович Вороний,

— время и требования жизни вносили изменения в проводимые исследования. В советские годы мы много внимания уделяли методологии и обоснованию развития систем энергетики, вопросам их управления. Кроме того, именно в то время формировались определенные постулаты централизованного государственного управления энергетическими системами. Институт был лидером в разработке государственных программ в развитии энергетики. В 1986 году большая команда специалистов получила Государственную премию за работы по управлению электроэнергетикой. Половина из них — сотрудники нашего института. А руководил коллективом второй директор института академик Юрий Николаевич Руденко. Премию заслужили за разработку системы диспетчерского управления Единой энергосистемы страны (ЕЭС). Получали мы и другие премии. Например, академические. В частности, премию имени академика Кржижановского. У нас пять таких премий. Конечно, развал СССР и смена в стране экономических ориентиров потребовали и от нас перестройки. И перестройка выступал в роли системных исследований. Но в нужденную трансформацию мы пережили без больших затруднений, поскольку была серьезная база системной методологии.

Когда от юмора отстраняют

...Сделаем некоторый отступ от рассказа директора. Возможно, что перестраиваться институту помогло не только то, что в нем работали сильные специалисты, системщики, умеющие находить выход в самых сложных ситуациях. Но и одна особенность, которая здесь развита давно и ни в какие годы не угасала. В институте очень любят юмор. Просто поклонение какому-то шуткам, улыбочным рисункам, остроумным текстам, пародиям и т.д. На прошлоне получил от них в подарок книгу воспоминаний о Юрие Николаевиче Руденко и две книжки озорных и зрелищных рисунков и пародий. Причем в пародиях и рисунках попадали никому нет. Директора институтов и ведущие научные сотрудники в прошлом и в настоящем — главные персонажи иронического юмора. Общонажа на него считается плохим тоном. Поэтому остряты по мере способностей и наступающих событий кто и как хочет. На академика Руденку попросту сыпались колочные стрелы. И это был знак уважения. В институте же элементы теории надежности изображали в смешных рисунках. Давно знала: примета крепкого колочника там, где острят, шутят и не оуют.

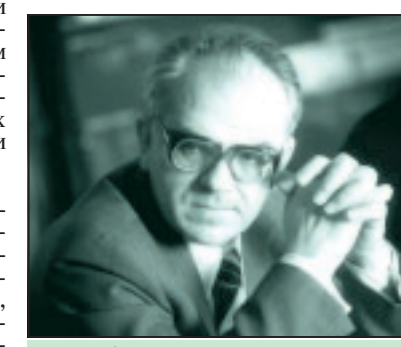
Адаптация без консервации

— Правда, в наши времена, — продолжал свой рассказ директор

института, — организационная структура энергетики не совпадает с технологической. А это повышает значимость, ответственность и трудности управления. Нам удалось достаточно быстро адаптироваться к рыночным условиям. Востребованность к результатам наших исследований сохранялась. Примерно к 1995 году институт стабилизировался и по численности сотрудников, и по тематике. Хотя новые менеджеры считали, что они и так все знают, и эта ложная уверенность приводила к просчетам и непониманию. Когда мы, например, работали по программе развития энергетики Дальнего Востока, то считали, как и всегда, что энергетику надо рассматривать в комплексе для территории, а не для отдельных областей. Как единое целое, способное к взаимоделиванию, взаиморезервированию и взаимопомощи. Поначалу наша точка зрения отвергалась. Каждая область или край планировали свои электростанции, угольные разрезы и т.д. Нам стоило большого труда, чтобы доказать комплексное рассмотрение существующих проблем будет для всех выгодно. Интеграция эффективна и экономически, и технологически. — И Чубайс сдвинулся? — Не сразу. Мы начали по проблеме реформирования электроэнергетики активно работать с федеральными органами. И уже в девяностые годы правительство приказало, что РАО ЕЭС — это временная мера. Надо совершенствоваться и двигаться дальше. Стало понятно, как и встарь, что без привлечения академической науки оптимальные варианты развития не будут найдены. Фактически мы стали базовой организацией по разработке альтернативной стратегии реформирования электроэнергетики. Она представлялась правительству губернатором Томской области Виктором Крессом. Но тогда победила другая точка зрения — Министерства экономики и РАО ЕЭС. Вскоре начался разработка закона об электроэнергетике. Наш институт выступал в качестве эксперта.

Мы внесли принципиальные поправки к проекту закона. И их учли. Правда, для нас это имело негативное последствие, и понятно, в каком смысле. До самого последнего времени у института практически не было никаких договоров и контрактов с РАО ЕЭС. Сейчас ситуация меняется к лучшему. Ныне точка зрения на надежность электроснабжения и на другие решения, которые закладываются Министерством экономики в реформирование электроэнергетики, уже другая. В РАО ЕЭС это стало особенно заметно после аварии, когда треть столицы погрузилась в темноту. Новые структуры, созданные после аварии, начали активную работу по повышению надежности электроснабжения, в том числе и с нами. В нынешнем году мы заключили первый договор с Федеральной сетевой компанией. Не буду скрывать: у нас были постоянные противоречия с нашими партнерами — заказчиками. Мы, как независимая научная организация, всегда утверждали то, что объективно, эффективно и надежно.

Лаконизмы-афоризмы академика Руденко

Академик Юрий Николаевич Руденко.

Для подтверждения сказанного Николаем Ивановичем приведу слова академика Льва Мелентьева, которого Руденко сменил на посту директора: «Работая вместе с Руденко в течение многих лет, я могу с полным основанием говорить об его высоких качествах как научного работника и человека, научное творчество в нем сочетается с редкой обязательностью в любом деле, с большой принципиальностью и исключительной порядочностью». Добавлю еще, прочитав выше книги, подаренные мне в институте, что Юрий Николаевич, пройдя трудную школу жизни (его отец,

Николай Михайлович Руденко, начальник сетей и подстанций треста «Донэнерго» в Донбассе, был в 1937 году арестован и сразу же расстрелян; мать, Элеонора Леонидовна, отправлена в ссылку на восемь лет; дед, историк и архитектор, тоже арестовали и осудили на семь лет лишения свободы по надуманному и подлому обвинению «за контрреволюционную пропаганду западного искусства»), оставался светлым, доброжелательным человеком, любящим посылать в костра и петля песни под гитару, полюбившиеся ему еще с юности. Не пишу уж о юморе — он его очень ценил. Приведу несколько изречений, сделанных Руденко в разных обстоятельствах: «Эта работа получила хорошие теоретические ноги». «Продолжайте чувствовать свою вину!». «За пять лет должен быть какой-нибудь выход, нельзя уметь, уметь и уметь...». «Если вы заводите связи, то они должны быть естественными». «Общение мыслями идет без задней мысли». «Это важно и для дела, и для отдела». «Мы поняли, что мы умные люди. Расходимся. Толку не будет». «Жить без людей, условно стоящих за порогом, нельзя». «Пока не грянет гром, нормально это улететь существовать». «Штаты — это не кадры. Нам не хватает живых людей». Коллега-путешественник Следующим собеседником на нашей встрече был, как ни странно, коллега, член Союза журналистов Александр Алексеевич Кошелев. Но все-таки это... во вторую очередь. А в первую — это кадры. Нам не хватает живых людей». «Пока не грянет гром, нормально это улететь существовать». «Штаты — это не кадры. Нам не хватает живых людей».

Д.м.н. Валерий Алексеевич Стенинков.

Д.м.н. Александр Матвеевич Клер.

К.м.н. Александр Алексеевич Кошелев.

К.м.н. Александр Владимирович Кейко.

Член-корреспондент РАН Николай Иванович Вороний.

Ролан Константинович Нотман.

лись установками по производству водорода. Основной наш метод исследования — математическое моделирование. Развивал у нас это направление профессор Григорий Бенедиктович Левенталь, он ученик Мелентьева, с которым они вместе приехали в Иркутск из Ленинграда, где они работали. Кстати, Левенталь всю Вторую мировую войну прошел от начала и до конца в морской пехоте. Он один из первых, кто у нас защитил докторскую диссертацию. После отъезда Левенталя в Москву это направление подхватил Лев Сергеевич Попырин, который и стал членом-корреспондентом Академии наук. Словом, наша научная школа имела хороших специалистов и продолжала развиваться. Попырин помнил еще те времена, когда весь коллектив института помещался в одну директорскую «Волгу»: это был Мелентьев и все трое его сотрудников... Но пришло время прервать раскаты и сократить до нуля некоторые выступления на встрече. Потому что впереди у нас еще кредо директора института.

Кредо члена-корреспондента

Директор института Николай Иванович Вороний нередко напоминает, что за сто лет энергетические возмущения в единичном разе, а численность населения увеличилась в четыре раза. К концу минувшего века потребление энергии составило почти пятнадцать миллиардов тонн условного топлива в год. И за это же время произошла смена доминирующих энергоисточников: от дров к углю, а затем к нефти. Вся энергетика кардинально изменилась. Меняется она и сейчас. Хотя часто меняется за счет модернизации того, что уже (или еще) работает. В том числе обновление идет и за счет тепловых насосов Института теплотехники СО РАН. — Наш институт, — говорит Вороний, — в науке представлен тремя взаимосвязанными направлениями. Это энергетические процессы и установки. Далее: энергетические системы. И третье: топливно-энергетические комплексы. Кстати сказать, это понятие ввел Лев Александрович Мелентьев. Для освоения этих задач нам нужны кадры. Молодые прежде всего. Институт всеми возможными путями старается сейчас их привлечь почти с первых курсов вузов. Такая договоренность есть, например, с нашим техническим университетом. Но это отнюдь не стремительный процесс. Не менее четырех-пяти лет надо, чтобы получился крепкий кандидат наук. Молодой человек иногда может потерпеть. Но едва он встал на ноги, получив хорошее образование, он ищет, где лучше. И лучше (в финансовом отношении) чаще не у нас, а в бизнесе, в фирме. За три года в уходящие от нас «сливки» мы многого больше вкладываем, чем получаем. «ВЫБИВАЮТ» эти сливки другие. — Большинство вынимаемых институтом работ, — продолжал свой рассказ член-корреспондент Вороний, — для министерств, компаний и различных администраций городов и регионов — это комплексные работы. В них принимают, как правило, участие почти все отделы института. Сначала на верхнем уровне — экономии энергетики, потом переходим к конкретным установкам. Этим мы выделяемся в массе энергетических институтов в России. Второе, о чем не могу умолчать — у нас в институте уникальная атмосфера. Мельком об этом уже шла речь, в чем тоже велика роль Мелентьева. Суть такой атмосферы — в доброжелательности, в доступности руководства, в демократичности всех отношений. А юмор — это проявление такой атмосферы. Полагаю, что для науки это важнее многого другого. Еще Мелентьев ввел у нас такой принцип: директор обязательно встречается с каждым молодым специалистом. — Можно и так, наверное, сказать, — предположил я, — что тогда директору попасть было легче, чем сейчас. Вороний засмеялся и уточнил: — Сейчас попасть еще легче.

Ролан НОТМАН, Фото Владимира КОРОТКОРУЧКО.